

Литературный альманах

Понедельник

№5

Наталья Терликова

Понедельник. №5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39825289

ISBN 9785449601032

Аннотация

Дорогие читатели! Мы продолжаем знакомить вас с творчеством участников международного литературного объединения «Понедельник». В пятом выпуске альманаха к нам присоединились новые авторы из Израиля, а также наши зарубежные друзья из Германии и Украины. В этом выпуске альманаха вас ждут захватывающие истории в стиле городского фэнтези, сказки, юмористические миниатюры, серьёзные размышления о смысле жизни, хокку, любовная лирика и многое, многое другое.

Содержание

Предисловие	6
Авторы ЛитО «Понедельник», Израиль	8
Бетти Тихонов, Иерусалим	8
«Я назначу тебе свидание...»	8
«Ни о чем тебе не скажу...»	9
Таинство	10
Женщине	11
Четверостишия	12
Афоризмы	15
Булочка и пончика с морозным ароматом детства	16
Александр Бинштейн, Ашдод	22
Эвридика	22
Часы	24
Михаил Ландбург, Ришон ле-Цион	26
Старик	26
Очки	30
Яша Хайн, Хайфа	32
Тут не любовь – скорей судьба	32
Вероятно, в будущей жизни	33
Любить наивно, словно тот лопух...	34
Наталья Терликова, Иерусалим	36
В начале было сновидение	36

Глава 1. Апельсиновый рай	36
Глава 2. Книжная лавка	42
Алла Кречмер, Тель-Авив	53
Прибалтика	53
Письма	54
Хвала тебе, о простота...	55
Вечернее озеро	56
Таруса	57
Виктория Левина, Тель-Авив	58
Эта улица зовётся шнуром...	58
Танец смерти	60
О Милане прекрасном два слова	61
У дома Анны Франк3	62
Пауль Клее	63
И шёпот авантюрных поколений...	65
Денис Камышев, Ашдод	67
Время поцелуев	67
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Понедельник

№5

Редактор Наталья Терликова

Редактор Зинаида Сорокурс

ISBN 978-5-4496-0103-2 (т. 5)

ISBN 978-5-4496-0104-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Дорогие читатели!

Мы продолжаем знакомить вас с творчеством участников литературного объединения «Понедельник». В пятом выпуске альманаха к нам присоединились новые авторы из Тель-Авива, Петах-Тиквы, Арада и Кирьят-Шмоны, а также наши зарубежные друзья из Германии и Украины. Надеюсь, вас не разочаруют и новые произведения уже известных вам, полюбившихся писателей и поэтов. В этом выпуске альманаха вас ждут захватывающие истории в стиле городского фентэзи, сказки, юмористические миниатюры, серьёзные размышления о смысле жизни, хокку, любовная лирика и многое, многое другое.

В ноябре нашему «Понедельнику» исполнилось три года, и мы отметили это радостное событие в зале Российского Культурного Центра в Тель-Авиве в тёплой компании авторов, издателей, читателей и друзей. А для меня по-прежнему каждый автор, начинающий или уже состоявший, – это квант света в нашем мире теней и сомнений. И вот за три года мы нашли друг друга в круге света под одной обложкой альманаха «Понедельник». А поскольку свет распространяется с огромной скоростью, не обращая внимания на границы государств и другие условности, то и перспективы у нас с ва-

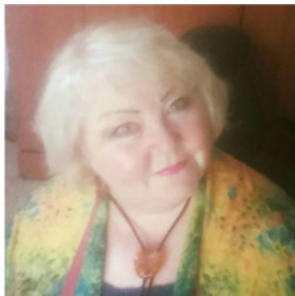
ми весьма заманчивые. Я очень надеюсь, что в ближайшем будущем начнут работать реальные студии «Понедельник» не только в Мицпе-Рамоне, а и в Иерусалиме, Петах-Тикве, Араде и Кирьят-Шмоне, а наш виртуальный клуб в «Фейсбуке» «Понедельник начинается в субботу» примет новых талантов.

Руководитель ЛитО «Понедельник»

Н. Терликова

**Авторы Лито
«Понедельник», Израиль**

Бетти Тихонов, Иерусалим

«Я назначу тебе свидание...»

Я назначу тебе свидание
В тихой гавани юных лет,
По забытым тропам, скитаниям
Мы отыщем к той гавани след.
Отмотаем клубок событий
С остановкой у памятных дат,

Где гудели душевные нити
Под нагрузкою в тысячу ватт.
По каким-то лишь нам известным
Ароматам июльской жары
Мы отыщем цветы прелестные
На поляне из той поры.
И пускай нелегка поклажа,
Давит плечи накопленный груз
Из житейских невзгод и даже
От измены покинувших муз,
Загадаю тайком желание
И чтоб знал о нем ты один:
Юный принц идет на свидание,
Не стесняясь своих седин.

«Ни о чем тебе не скажу...»

Ни о чем тебе не скажу,
Ничего объяснять не стану,
Просто навсегда перестану
Обращать вниманье на раны
И не думать себе прикажу.
Разве есть что-то новое в том,
Что малина растет в крапиве,
И что реки в весеннем разливе
Так опасны в своем наливе,
Если прочен фасадом лишь дом.

Сколько раз давала обет
Закрывать глаза на пороки,
Не на пользу былые уроки,
В многовиденьи столько мороки,
Что покоя по-прежнему нет.
Отыщу себе место в углу
И, как пес, залижу себе раны,
От красивых слов до обмана
Я, как старые свитки с Кумрана,
Спрячу в амфоре боли иглу.

Таинство

Наследие веков сжимается в пространстве
И предстаёт как сгусток бытия
Или как всполохи протуберанцев
В таинственном тандеме: ТЫ и Я.
Покой ли на душе, иль смутная тревога, —
Всё в сгустке том, как в капельке дождя, —
Спрессованы века, и, как всегда, у Бога
Всё было, и опять всё повторит себя.
В тоске или в любви почти что незаметно
Рождается душа и в муках ищет путь
Познания Тебя по ликам совершенства.
Всё было, но ничто не обнажило суть.

Женщине

Если бы мне было дано
В красках найти воплощение чуда
Или выразить в музыке
Гармонию женственности
В такой неженской природе вещей,
Я бы взяла керамическое блюдо,
Смешала б нежнейшие краски
С непременном вкраплением
Огненных бликов.
И закружила б их в ритме
Весенних дождей.
И непременно музыка
Лёгкая и волнующая
Как переливы Вивальди
Для утончённой души,
Или как Сарасате,
Страстная, огневая,
А потом величественная, —
Как Чайковский и Бородин.
И если мне кто-то скажет,
Что невозможна такая
Эклектика – в ритме музыки
Вихрь летящих красок,
Я улыбнусь загадочно:
Какие же вы всё-таки странные

Сами того не зная,
Жизнь обокрала вас.
Значит, ещё не постигли,
Значить, понять не сумели
Гармонию этого чуда,
Гармонию без прикрас.
Так, вероятно, мастер
Смешивает в едином чане
Спокойный и бурлящий
Лозы виноградной сок
Неприменно с музыкой.
Музыкой поющего сердца.
Чтобы «in vino veritas»
Каждый воскликнуть мог.

Четверостишия

Не вникая ни в какие споры,
Ни о смысле, ни о странностях судьбы,
Жизнь для каждого плетет узоры
Где-то шелком, где-то методом резьбы.

Рассмеюсь, а может быть заплачу,
Арсенал эмоций небольшой.
Я ловила с легкостью удачу,

А теперь улов совсем иной.

Листаю книгу – толстый фолиант
Чужих страданий, радостей и судеб,
И нарочитых словоблудий,
С претензией на редкостный талант.

Ударившись о запертую дверь,
Лоб продолжал ломиться с матюгами,
Не то, чтобы томила боль потерь,
Но важен принцип – действовать мозгами.

Устав от споров ни о чём,
Одев в тоску лицо уныло,
Конфликт мы подопрём плечом,
Чтобы продолжить с новой силой.

Короток век у любви и у дружбы,
Но продлевать его всё же не нужно:
Шаг отделяет любовь от хулы,
Друг непременно потребуе службы.

С годами сокрытое пеленой
Впивается в сердце занозой.

Ничто не гложет такой виной,
Как мамины слёзы.

Как часто устав от правдивых речей,
Мы ищем во лжи утешенье,
И чем коварство её тончей,
Тем дальше гоним сомненья.

Порой слова, как капельки яда,
Стекающие с языка,
Намного превысив терапевтическую дозу
Превращаются в смертельную.

Мудрость жизни держи про запас,
Вот парадокс правдивый:
Слово тем больше ранит нас,
Чем оно справедливей.

Гоняясь за химерой там и тут,
Я вывела зависимость простую:
Чем благородней помыслы влекут,
Тем больше сил, потраченных впустую.

Как ни пытайся себе внушить

Случайность любого пророчества,
В одну упряжку впрягает жизнь
Гордыню и одиночество.

Афоризмы

Совість уснула от греха подальше.

Прямо поставленный вопрос во время обсуждения вышел боком.

Честный политик – такой же оксюморон, как правдивая ложь и ловкий растяпа.

Только дал слово больше не попадаться на удочку, как наступил на старые грабли.

Установлено, что энергичный человек за жизнь совершает больше глупостей, чем медлительный.

Если не можете быть кратким, постарайтесь не быть надоедливым.

Из всех разновидностей смеха запоминается заразительный либо отвратительный.

Трогательная ложь всегда найдёт путь к сердцу.

Жизнь каждому оставляет на лице след: одним от наличия, другим – от отсутствия...

К старости недостаток ума становится заметнее, чем недостатки внешности.

Предложите человеку интересную мысль, и он непременно скажет: «Только не сейчас».

Булочка и пончика
с морозным ароматом детства
(Сокращенная глава
из автобиографической
книги «Собачий сёрфинг»)

– Мама, – стоя у окна, кричал на иврите невидимый мальчик из соседнего дома. – Когда ты вернешься, я кушать хочу. В голосе слышны были плачущие нотки.

– Отойди от окна, иди на кухню, – ответила мать на ходу, направляясь с мужем к машине.

– Что мне поесть? – продолжал канючить сын, выкрикивая в окно на всю улицу.

– Возьми что-то из холодильника.

– Я не знаю, что. Я, пожалуй, возьму сосиску с перцем, хорошо, мама? Это вкусно?

– Очень хорошо, – ответила женщина, садясь в машину. – Я скоро вернусь!

Пока я соображала на ходу, действительно ли это так вкусно, я оказалась рядом с машиной, в которую садилась пара, и как-то улыбнулась, смутившись от того, что стала невольным свидетелем частного семейного разговора. Мужчина, как бы не обращая ни к кому, садясь в машину, сказал:

– Эйзэ нудник!¹

Надо заметить, что голос из окна принадлежал отнюдь не ребенку. Это был голос скорее мальчика переходного возраста, с уже ощутимыми намеками в сторону баса. Это сегодняшний Израиль. Благополучный, сытый Израиль.

– Идочка, что тебе принести, – неожиданно донеслось из раскрытого окна, когда тихим вечером мы прогуливались с собачкой недалеко от дома, – мандаринку или апельсинку?

– Мне всё равно, – услышала я спокойный ответ дамы.

– А может, тебе грейпфрутку? – настойчиво кудахтал русскоязычный петух, не решаясь на принятие судьбоносного решения. – У меня есть выбор!

Да, не знаю как у других народов, но в еврейских семьях всегда любили добротню поесть, вкусно и с большим запахом. Перепадает кое-что и братьям нашим меньшим.

– Пожалуйста, не кормите кошек мясными и рыбными

¹ Какая зануда! – иврит.

остатками, – предупредила меня женщина, которая каждый день за свой счёт покупает и разносит кошкам йогурты и сухой корм. – Вчера я еле-еле спасла кошку, у которой в горле застряла косточка. Они не умеют есть такую пищу. А ведь я это делаю за свой счёт.

Признаюсь, я тоже не исключение. Многократные клятвы и заверения, что начинаю относиться к еде просто как к средству существования организма и не более, заканчиваются скорыми посиделками с разными пищевыми изысками, перееданием, чертыханьем и т. д.

Все наши недостатки и достоинства родом из детства. Вспомните детство золотое... Что, не золотое? А какое? Простое... Да... припомнить особо нечего. Почему нечего? В каждый период – свои радости. Моё детство проходило в сравнительно благополучной Литве, где даже в пятидесятых не было так голодно, как в России. Сельским хозяйством там всегда занимались правильно.

Я закрываю глаза и погружаюсь в далёкую сказку воспоминаний. Зима, морозное утро. За окном темно, но нужно вставать и идти в школу. Я первоклассница. Начальная русская школа далеко за городом, там, где начиналась окраина. Я с портфелем и чернильницей-непроливашкой в мешочке с верёвочкой бегу в школу. В Литве день начинается поздно. Бегу, потому что темно и страшно. Особенно зимой. Но какое счастье, что есть перемены. И вот после первого урока, зажав в руке заветный рубль, не успев иногда даже набро-

свить пальтишко, мы устремлялись из школы к ближайшему домику, стоящему на болотах. Там жила полуслепая бабушка, которая пекла маленькие, кругленькие сладкие булочки. По кочкам, по замёрзшим местам болот надо было успеть добежать в тёмное помещение дома, сунуть рубль в руки бабушке, взять эту булочку – и бегом обратно, предвкушая всю радость от маленького богатства, зажатого в руке, а потом... вдыхая морозный аромат с запахом ванили, по крошке пытаться продлить удовольствие от поедания этого деликатеса. Для полуслепой бабушки это было подспорьем для существования, а для детишек – особый ритуал счастья, который забываем до сих пор.

Скажу вам по секрету, что, конечно, было в городе одно злачное место, где можно было наслаждаться не только булочками. Булочки, тоже скажете... Там, возможно их никто и не покупал. Не ради же булочек приходили туда красиво одетые расфуфыренные люди и играла музыка. Потому что это был самый знаменитый красный ресторан. Был он в самом центре, и всего несколько домов отделяли наш дом от ресторана. Летом окна ресторана были открыты, и клубы сигаретного дыма, запахи спиртного, кухни и духов таинственно расплзались по улицам. Нам было строго-настрого приказано никогда не заходить туда и вообще проходить мимо ресторана быстрым шагом, не задерживаясь. Ресторан пользовался репутацией «не нашей ментальности»; мама объяснила, что приличные люди туда не ходят. Но вот бе-

да: внутри него, почти у входа, за стойкой бара можно было купить заветные пончики, целый кулёк. Горячие, золотые, поблескивающие маслом шарики. Это вам не просто карамельки- «подушечки», которые мы покупали в магазине напротив у толстого и высокомерного Пещинскаса, который и не разговаривал с нами, а просто своими беленькими пухленькими ручками скручивал бумажный кулёк и насыпал туда сто граммов заветных карамелек. Надо было выпросить у мамы денег, чтобы у неё было хорошее настроение, и чтобы она выразила своё согласие на поход в это непристойное место, и тогда...

– Только быстро, ничего не разглядывать, купи пончики и домой! – скомандовала мама.

Ой, ну что там можно было разглядеть? Гремела музыка, дамы громко смеялись накрашенными ртами, в клубах дыма раздавался хрустальный перезвон бокалов... Вот он, долгожданный кулёк. Теперь бегом домой.

У каждого была своя жизнь. Мы ходили под первомайскими знамёнами, пели песни, в карманах лежали заветные мамины коржики. Папа всеми силами, иногда с угрозой для жизни укреплял советскую власть, в лесах бродили вооружённые «лесные братья»... Литовское население ненавидело русских, именуя их оккупантами, но какой-то тихой ненавистью. Евреев тоже ненавидели, но их было мало. Еврейский вопрос в Литве, почти как в Польше, во время войны был решён. Мы жили своей детской жизнью, полагая, что ничего

другого и быть не может. А булочки... Что, собственно, булочки? Тоненькие ниточки, связующие нашу память с прошлом. Они и сегодня булочки, только пахнут по-другому.

Александр Бинштейн, Ашдод

Эвридика

В жаркий полдень не сыщется тени,
Небо птичьим расколото криком,
Наступило на змея сомнений
Вдохновенье моё, Эвридика.
Мои пальцы на струнах застыли,
И стихи в глотке комом колючим,
Так недолго друг друга любили,
Хоть я верил, что мы неразлучны.
В царство тени живые не вхожи.
И для каждой души своё время.
Кто ушёл туда – тоже не сможет,
Перепрыгнуть границу забвения.
Безучастный Харон из уключин
Повытаскивал мокрые вёсла.

Он к слезам и стенаньям приучен.
И его убедить так не просто.
Как молил его, страстно и долго...
Пусть он сам мне в том будет порукой,
Только плач, мои слёзы и мольбы
Зазвучали мелодией Глюка.
Мы по водам бездонного Стикса
Плыли в Тартара самое чрево.
Сонм теней над ладьею кружился,
Скрыв порталы пещерного зева.
Под волшебную песню кифары,
Как гласит изложение мифа,
Утихали муки Тантала,
И спина разгибалась Сизифа.
Не веря в свои ощущения,
Бичи нашей скорбной юдоли,
Эринии, демоны мщенья,
Не скрывали родившейся боли.
Встречая как гостя, радушно,
Хвостом замахав мне навстречу,
Цербер, словно дворняга, послушный,
Лизнул мою руку беспечно.
И глаза утирая ладонью,
Не тая подступившие взрыды,
Поддавалась слезам Персефона,
Супруга владыки Аида.
К лучезарному фебову лику,
С разрешенья властителя тени,
Выводил я на свет Эвридику,

Возвращал я своё вдохновенье.
Впереди пролегал путь не близкий,
По ущельям и скалам отвесным.
Я до заводей Чёрного Стикса
Бежал, подгоняем Гермесом.
Эвридика бесшумною тенью
За мою держалась спиною,
Не подвластная ощущеньям,
Не притронешься теплой рукою.
И со мной ли душа бестелесна,
Или где-то отстала в дороге,
Обернулся бы я, только если...
Запретили суровые боги.
Я с Хароном прощался, как с братом,
На кифаре сыграл ему трели,
Обещая вернуться обратно,
Когда время моё подоспеет.

Видно боги мой разум украли,
Не сдержал я победного крика,
Обернулся за несколько стадий,
Ты со мной ли, моя Эври...

Часы

Подари мне часы с циферблатом из медной пластины,
До зеркального блеска отшлифуй мне его кривизну,

Чтобы, глядя на них, проникать в подсознания пучину,
Погружаться в былое, спускаться в его глубину.

И магический круг, раздели, как пирог, на сегменты,
Рассели Зодиак – бестиарий чудесных зверей.
Сохраняет Стрелец уходящие в Лету моменты,
На Весах измеряют алмазы рассыпанных дней.

Подари мне часы, я прошу, обязательно с боем.
Пусть Симфонией Пятой Бетховен вторгается в день,
И с весёлой кукушкой, – когда я склонюсь к аналою, —
Пусть считает мне годы, не зная усталость и лень.

Подари мне часы, вектор стрелки упёрт в бесконечность.
Чтоб завод не кончался, и механизм не ржавел.
Подари мне часы, не измерена временем вечность,
Мне хватило бы жизни, закончить всё то, что хотел.

Михаил Ландбург, Ришон ле-Цион

Старик

Когда я вошёл в кафе, там, кроме хозяйки и старика, который сидел за столиком возле окна, никого не было. Я поздоровался с хозяйкой и, достав из кармана пиджака свежую газету, присел рядом со стариком.

– Завтра выборы нового мэра города, – вслух проговорил я.

Старик не ответил. Он сосредоточенно разглядывал улицу.

– Завтра! – повторил я.

Не отрывая взгляд от улицы, старик проговорил:

– И что с того?

– Всё-таки событие... Разве не любопытно узнать, кто станет нашим новым мэром?

Старик сдвинул брови.

– Кто-то станет, – сказал он. – Лишь бы город очистили от мусора.

– Мусор в городе убирает не мэр, – заметил я.

Старик повернул голову ко мне, чуть приоткрыл рот, однако промолчал. У него были редкие волосы и синие глаза.

Стоявшая за стойкой хозяйка кафе издали замахала руками, построила рожицу и, глазами указав на старика, пальцем постучала себя по голове.

Я понимающе кивнул и попросил глазунью.

Хозяйка радостно взвизгнула и исчезла в боковой комнате.

Старик не заметил исполненную хозяйкой пантомиму. Опустив голову, он остановил застывший взгляд на своих узловатых искривлённых пальцах. Потом произнёс:

– Я – ненормальный! Так мне кажется...

Я мягко возразил:

– Возможно, вы ошибаетесь?

Старик вернул взгляд на окно и продолжил следить за происходящим на улице.

– Ну, вот! – вдруг прошептал он и ткнул в окно пальцем. – Это он!

Я привстал, посмотрел в окно. Из белого «Мерседеса» вышли мужчина и женщина. Они перешли дорогу и вошли в дом с большим балконом.

– Красивая женщина, – отметил я.

От старика исходило какое-то напряжение.

– Моя внучка, – сказал он. – А машина этого парня... Потом он на ней уедет к себе...

Я спросил:

– Вам не нравится эта машина?

– Я знаю, что эта машина плохая, – дрожащими губами проговорил старик, поднялся со стула и, шаркая ногами, направился к двери.

Хозяйка кафе поставила передо мной шипящую глазунью и корзиночку со свежим хлебом.

В окно я увидел, как старик, достав из кармана брюк какой-то мешочек, раскрыл его и высыпал содержимое мешочка на поверхность белого «Мерседеса».

Я оглянулся на хозяйку кафе.

– Это же зёрна, – сообщил я. – Бедняга, видимо, считает, что перед ним вспаханное поле.

Хозяйка кафе подошла к окну, и мы стали вместе смотреть, как старик водит пальцами по зёрнам, стараясь равномерно покрыть ими поверхность капота машины.

– Сегодня зёрна! – хохотала женщина. – Три дня назад, старик обклеил машину картинками с голыми женщинами и всяким таким... Старик сорвал их с витрины кинотеатра, хозяин которого – этот самый мужчина, что приходит в тот дом.

– Сделали доброе дело? – спросил я старика, когда он вернулся.

– Сделал! – подмигнув синим глазом, сказал старик. –

Сейчас голуби слетятся и начнут лакомиться. Я позаботился о сытной пище, и голуби уж постараются... А потом они немного подремлют на крыше и на капоте машины.

– Не выносите хозяина машины?

– Он – свинья!

– Вы в этом уверены?

Старик кивнул:

– Он – свинья в галстук.

Из горла хозяйки кафе вырвалось нечто, напоминающее звук треснувшего стакана, а потом, сотрясаясь от хохота, женщина предположила:

– А может, он – конь в галстук?

– Кони галстуков не носят, – возразил старик. – Такого не бывает.

– Верно! – поддержал я старика. – Такого не бывает.

Я поднялся со стула, расплатился с хозяйкой кафе.

Старик поднял ко мне голову:

– Говорите, что завтра выбирают нового мэра?

– Да, завтра. А что?

Старик задумчиво покачал головой.

Я вышел на улицу.

Белый корпус «Мерседеса» был целиком облеплен причудливыми узорами, оставленными на нём вдоволь насытившимися голубями.

Я вернулся в кафе, подошёл к старику и, не сказав ни слова, пожал его руку.

Очки

Я сидел за своим письменным столом и размышлял о жизни, а устав размышлять, поднялся с места и, прихватив с собой очки, подошёл к вечернему окну. Я увидел печально-лиловый закат дня. И вдруг на оконном стекле нарисовалась склонённая к мужскому плечу головка моей Анны.

Моя Анна?

Господи, что ж это такое?

Ничего не понимая, я стоял в полной растерянности.

Очки!

Мои очки!

«Кажется, они надо мной насмеваются», – сбросив очки на пол, подумал я.

И тут – головка Анны вместе с плечом мужчины исчезли.

Не поднимая очки с пола, я, не сходя с места, простоял до утра, совершенно потрясённый и скованный страхом от мысли, что с закатом нового дня я вновь на окне увижу...

Я выбежал из дома.

– Вижу лишнее! – шепнул я доктору в поликлинике.

– Не понял! – отшатнулся доктор.

– Мне бы очки сменить, – заметил я. – В моих теперешних вижу не то и не так...

– Да-да, теперь догадываюсь, – проговорил доктор и на моё плечо положил ладонь.

– Правда, доктор? – испугался я. – Неужели догадываетесь?

Яша Хайн, Хайфа

Тут не любовь – скорей судьба

Любовь – оставим молодёжи,
тут не любовь – скорей судьба,
когда по цвету губ и кожи
угадываешь – голодна.

Когда в шагах неторопливых,
в молчаньи суженных зрачков,
в глазах, с оттенком чёрной сливы,
теплится жизнь моя – без слов,
без поучений и без правки,
в фокстроте липовых теней, —
у Бога не просить добавки,

осознавая – счастье в ней.

Уйти, оставив молодёжи
всю сцену, и задуть свечу,
вкушая нежность, полулёжа,
понять, что счастье – по плечу,
прижав лицо
к её лицу...

Вероятно, в будущей жизни

Вероятно, в будущей жизни
загоню свою грусть в облака,
надоевший закрою бизнес,
всё бывшее продам с молотка!
Сохраню лишь гамак да книги,
двор пустой, белый грушевый сад,
покосившийся, ветхий флигель,
лепестков ароматных парад.

Станет песня моя попроще,
растворится во мгле зыбкий храм
предсказаний. В тенистой роще
будет петь соловей, а к словам
прикреплю невзначай улыбку
и спою с соловьём новый гимн
про Отчизны псалом и скрипку,

про Москву и про Иерусалим.

Обнимать будет нас эпоха,
где блаженствуют души и рай
обещает: «Будет неплохо»,
и никто не кричит нам: «Вставай!»
Унесутся с ветром интриги,
пальцы солнца там – сквозь облака,
залезать будут в старый флигель
и поглаживать щель потолка...

Любить наивно, словно тот лопух...

Искать вину и правду вне себя,
Смотреть спектакли жизни без билета,
Глазами улыбаться голубям,
Прикрывши рот сиреневым букетом.

Поняв, как в небе облака текут,
В течение семнадцати мгновений —
Ловить зрачками солнечный лоскут
И прятаться за ветками сирени.

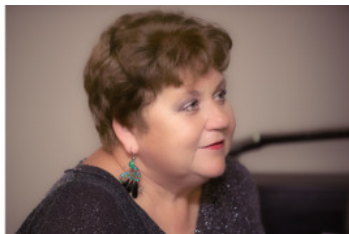
Любить наивно, словно тот лопух,
Который вечно лезет под повозку,
Морщинки, ямочки чужих старух
И неуклюжесть худеньких подростков.

Прекрасны сказки – ласковой волной
Согреют сердце и прогонят холод, —
Когда же этот панцирь голубой
Был жизнью так безжалостно проколот?

Спектакли ночи – не моя вина:
Замкнувши круг, услышим злую повесть,
Что жизнь, как чаша – выпита до дна
И в буднях серых – высосана совесть.

Очнуться, провожая взглядом тень,
Услышать – утро зимнее зевает,
И плещется в дожде весёлый день,
И ночь в туманной дымке исчезает...

Наталья Терликова, Иерусалим

В начале было сновидение

Глава 1. Апельсиновый рай

– Какой же сегодня длинный сон, – закричал Рой и с ненавистью швырнул апельсин в контейнер.

– Чего ты психуешь, – попытался успокоить его Питер и протянул термос с холодной водой, – попей. А это всего лишь сон. Утром проснёшься, пойдёшь в любимое издательство и продолжишь писать свой бесконечный роман о смысле жизни.

– Ну, почему мы должны собирать эти мерзкие апельсины? – не унимался Рой и отхлебнул пару глотков ледяной

воды.

– Нет никаких апельсинов, – спокойно ответил Питер, – это всё иллюзия, сновидения.

– Давно хотел у тебя спросить, – немного успокоился Рой и поставил под дерево корзину с собранными плодами, – а чем ты занимаешься в реальной жизни?

– Наша компания работает над изобретением вечного двигателя.

– Вечного двигателя? – переспросил Рой и расхохотался.

– Я серьёзно, – обиделся Питер, – всю жизнь я посвятил «перпетуум мобиле» и уже доказал, что он существует. Потом собрал выдающихся учёных и создал целую компанию по разработке моего проекта.

Но тут раздался гудок, оповещающий о конце смены, и зазвонил будильник. Рой проснулся в своей мягкой постели и услышал в динамике приятный голос своей секретарши Фриды:

– Доброе утро, господин писатель, сегодня вечером у вас презентация нового романа. Ваш кофе готов, новый фрак в гардеробной, водитель подъедет к 10.00. Мы ждём вас в головном офисе. Удачного дня!

Рой почувствовал прилив сил и подумал: «Всё-таки наш босс мудрец. После его снов я действительно чувствую себя восхитительно».

Солнце палило нещадно. Горячий пот стекал по телу и больно обжигал кожу. Рой с ненавистью срывал спелые плоды и швырял их в корзину. Питера подташнивало от усталости и мерзкого запаха перезревших апельсинов. Он даже не пытался шутить и подбадривать окружающих, как это делал обычно, а обречённо смотрел на бесконечную оранжевую плантацию, проклинал свои сновидения и мечтал побыстрее проснуться. Лишь один Боб бодро наполнял корзины и ловко пересыпал собранные плоды в контейнер.

– Что это с Бобом? – удивился Рой. – Как будто напился молочка из-под бешеной коровы.

– Ещё бы, – усмехнулся Питер, – он же вчера успешно завершил какой-то крутой эксперимент.

– А чем он занимается в реальной жизни? – поинтересовался Рой.

– Работает в крупной фармацевтической компании, – ответил Питер. – Всю жизнь посвятил поискам эликсира молодости. И буквально вчера нашёл какое-то вещество, которое тормозит процессы старения. Вроде бы синтезировал его из «барбанесис миллер».

– Интересно, где он раздобыл «барбанесис миллер»? – удивился Рой. – Кажется, этот вид алоэ растёт только в Мексике.

Но тут прозвучал гудок, извещающий о конце смены, и зазвонил будильник. Боб проснулся в своей мягкой постели и услышал в динамике приятный голос своей секретарши Ирэн:

– Доброе утро, господин профессор. Сегодня вечером у вас презентация нового лекарства против старения. Ваш кофе готов, новый фрак в гардеробной, водитель подъедет к 10.00. Мы ждём вас в головном офисе. Удачного дня!

Боб почувствовал прилив сил и подумал: «Всё-таки наш босс мудрец. После его снов я действительно чувствую себя восхитительно».

– Мы ищем, мы ищем потерянный рай, – пропел Рой, вдруг упал и разрыдался.

– Я больше не могу, – истошно заорал он, – это не сон, а какой – то навязчивый липкий кошмар. Я хочу немедленно проснуться.

Раздался долгожданный гудок, извещающий о конце смены, но будильник почему-то не звонил. Странная тёмная туча закрыла солнце, в воздухе появился резкий запах гари, а над деревьями за клубился чёрный дым.

– Пожар! – кричали где-то издалека. – Рабочие бараки горят!

Боб поставил корзину с апельсинами на землю, закрыл

глаза, сосредоточился и попытался проснуться:

– Какие бараки, это же сон, – с надеждой прошептал он и застыл в страшной догадке.

Мимо просвистели две пожарные машины, и они с Роем и бросились за ними следом.

– Боб, это не сон, – кричал Рой, но пожарные сирены заглушали его голос.

Первый шок от случившегося прошёл, друзья стояли на пепелище и молча наблюдали, как пожарные выносят из бараков уцелевшие каркасы кроватей и остатки медицинского оборудования для сновидений. А рядом шумели рабочие, которые натягивали спальные палатки для временного ночлега.

– Я пока останусь здесь, – нарушил тишину Питер.

– Будешь собирать апельсины? – ужаснулся Рой. – Тебя же так нагло и цинично обманули. Понимаешь, что нет никакой компании, где ты можешь изобретать свой вечный двигатель. Мы пахали на плантации, как рабы. А ночью нам подключали красивые сны.

– Может, и вечного двигателя на самом деле нет, – грустно ответил Питер, – а здесь от меня хоть какая-то польза. Да и идти мне некуда.

– Ну, как знаешь, – не стал возражать Рой и рассмеялся. – А я пойду в немецкий город Бремен и стану там уличным музыкантом.

– А я подамся в сказочную страну Мексику, – подхватил

Боб и вздохнул полной грудью, – буду искать волшебный цветок «барбанелис миллер» и исследовать его тайны.

– Кстати, у нашей компании в Мексике тоже есть апельсиновые плантации, только плоды там не оранжевого, а зелёного цвета, – сообщил Питер, но тут же осёкся.

– В вашей компании? – удивлённо спросил Рой.

– А я давно догадался, что Питер не тот, за кого себя выдаёт, – закричал Боб. – Этот гадёныш с детства гнилой. Да чёрт с ним. Давай лучше побыстрее уносить отсюда ноги.

– А что я такого сделал? – заорал Боб. – Устроил вас на работу.

– Неужели ты не понимаешь, что ты цинично обманул друзей, – разозлился Рой. – Устроил, как рабов, на плантацию, и проводил над нами эксперименты. Питер, это преступление, и ты ответишь за это вместе со всей своей компанией.

– Но писатели и учёные не нужны стране, – не унимался Питер, – а за сбор фруктов платят деньги. Да и кто-то же должен собирать апельсины.

– А по-честному нельзя было сказать нам, что за работа?! – не унимался Рой. – Мне не запахло и туалеты мыть, и фрукты собирать. Всё в жизни надо попробовать. Но я, Питер, писатель. И не тебе решать, кто нужен этой стране. А тем более управлять чужими сновидениями.

– Да что ты с ним разговариваешь; у него же нет совести, и никогда не было, – рявкнул Боб и побежал в сторону до-

роги.

Рой презрительно сплюнул под ноги Питера, резко развернулся и побежал догонять Боба.

Ни Рой, ни Боб толком не знали, куда идти, но они уверенно шагали по шоссе в надежде остановить попутку и как можно дальше умчаться от этого апельсинового рая. Вдруг справа от дороги Рой увидел особняк с яркой вывеской «Книжная лавка» и радостно закричал.

– Боб, смотри, по-русски написано: «Книжная лавка».

– Ты уверен? – спросил Боб. – Что-то я не вижу никакой вывески.

– Уверен, – ответил тот, убыстрил шаг и свернул на тропинку, ведущую к «Книжной лавке».

– Ну, тебе видней, у тебя особый дар видеть сквозь время и пространство, – усмехнулся Боб и свернул на тропинку следом за Роем.

Глава 2. Книжная лавка

Рой остановился у массивной резной двери «Книжной лавки», неуверенно взялся за ручку и потянул на себя тяжёлую дверь. Вход в «Лавку» приоткрылся, оттуда повеяло прохладой и знакомым запахом старых книг. Но дверь вдруг резко захлопнулась, а Рой потерял равновесие и упал прямо на траву, которая росла у входа.

– Ну, что ты ломишься в парадную дверь? – закричал

Боб. – У этого особняка наверняка есть сигнализация.

– Ты прав, только полиции нам сейчас не хватает, – медленно произнёс Рой и зевнул. – Но я должен как-то проникнуть туда.

– Тогда давай искать какую-нибудь лазейку вроде окна, – предложил Боб и тоже зевнул.

В воздухе ощущался странный аромат не то хвои, не то полыни, и Рою расхотелось подниматься, а тем более искать какую-то лазейку, чтобы попасть в этот дом.

– Давай потом, – прошептал Рой и продолжал лежать у входа, наслаждаясь приятным ароматом травы и сладкой истомой, которая распространялась по уставшему телу.

– Да я не против потом, – обрадовался Боб и развалился в тени под огромным эвкалиптом, – у меня тоже ноги гудят от усталости.

«Если у тебя есть мечта и желание, – вдруг Рой чётко услышал голос отца, – то ты пройдёшь сквозь закрытую дверь и даже прорастёшь сквозь асфальт».

Рой приподнял голову. Боб лежал под деревом и крепко спал, а рядом больше никого не было. Только маленький ёжик выполз из травы, громко протопал мимо и остановился у входа в «Лавку». Через пару минут по двери потекла вода, и деревянная поверхность превратилась в зеркало, а ёжик исчез, как будто растворился в своём отражении.

«Что за чертовщина?» – удивился Рой, с трудом поднялся и подошёл к зеркалу поближе. Как только он увидел своё

отражение, вокруг закрутился вихрь, поднял его в воздух и пронёс сквозь зеркальную дверь «Книжной лавки».

Рой очутился в нереально светлой комнате. Он плыл в прозрачном кресле среди вещей, которые казались сделанными из воздуха и тумана.

– Как ты попал в мой сон? – вдруг раздался голос из облака, которое плыло ему навстречу.

– А ты кто? – испугался Рой.

– Ромка, – ответило облако, – сегодня мне исполнилось двенадцать лет.

Сердце кольнуло, и он увидел грустного-грустного мальчика, который сидел внутри облака и прижимал к себе коробочку с ёжиком. Тем самым ёжиком, который исчез у входа в «Книжную лавку».

– А почему ты плачешь? – спросил Рой и невольно вспомнил свой двенадцатый день рождения, когда папа подарил ему ёжика Кешку и в тот же день ушёл из дома навсегда.

– Сегодня меня бросил отец, – прервал воспоминания Ромка.

– Да не тебя бросил отец! – возразил Рой. – Родители сами по себе решили развестись.

– Оттуда ты знаешь? – удивился Ромка и перестал плакать.

– А потому что ты – это я много-много лет назад, – улыбнулся Рой. – Меня тоже звали Ромой, и у меня тоже был ёжик Кешка. А Роем я стал потом, когда начал писать книги.

– Круто, – обрадовался мальчик. – Значит, я стану известным писателем.

– Увы, – вздохнул Рой, – прости, у меня не получилось стать известным.

Ёжик высунул мордочку из коробки и громко фыркнул. А Ромка снова заплакал: – Ты испугался и отказался от мечты.

– А что ты сделал для того, чтобы стать известным? – разозлился Рой. – Сопли распустил, пожаловался Кешке на свою судьбу и выписал в отдельную тетрадку цитаты из очередной прочитанной книги. И всё, думаешь, что завтра проснёшься знаменитым?

– А что я ещё могу сделать, – продолжал плакать Ромка, – когда меня бросил отец.

– Ты уже большой мальчик, – успокоился Рой, – попробуй выслушать отца, понять и простить. Пока не поздно.

– Как это поздно? – спросил Рома.

– А так. Сегодня ещё вовремя, а завтра уже поздно, – ответил Рой. – Завтра ты можешь проснуться в мире, где нет папы.

– Я как-то об этом не подумал, – засомневался Ромка.

– А ты думай, будущий писатель, – строго сказал Рой. – Писать книги – это тяжёлый и неблагодарный труд. И ес-

ли вдруг твои произведения начинают нравиться читателям, тут же откуда-то появляются завистники, которые обливают тебя грязью и делают всякие пакости.

Рой замолчал. Ему не хотелось впускать в эту светлую комнату свои неприятные воспоминания и боль, которую они тянули за собой.

– Да не обращай внимания на всякие сплетни, – воскликнул Ромка. – Я обещаю тебе, что утром позвоню отцу.

– А я забуду на сплетни и продолжу писать книги, – рассмеялся Рой.

– Тогда у нас появится ещё один шанс, – серьёзно заявил Ромка.

На душе заметно полегчало, а кресло под Роем постепенно превращалось в туман, который поплыл по млечному пути среди пушистых облаков и грозových туч.

Рой проснулся в удобном кресле незнакомого кафе. Здесь было довольно уютно. Полумрак, высокие потолки, стеллажи, наполненные антикварными книгами, живые цветы в больших напольных вазах способствовали чудесному настроению и навевали приятные воспоминания. Перед ним на столике стоял бокал с зеленоватым коктейлем, а рядом лежала книга «Р. Кон. В начале было сновидение». Рой сделал небольшой глоток из бокала и прислушался к странному

разговору трёх женщин за соседним столиком.

– Что за кайф в этих бумажных книгах, – удивлялась одна, – читать невозможно, а стоят бешеные деньги.

– Экзотика, дорогая Эльза, обходится недёшево, – рассмеялась другая, взяла в руки книгу, но тут же отложила подальше от себя. – Фи, как-то неприятно от неё пахнет.

– Элеонора, это аромат свежей типографской краски, – вмешалась в разговор самая молодая из собеседниц.

– Забавно, однако, – рассмеялась Эльза, взяла свой экземпляр книги, принялась и сморщила носик, – Машенька, ну, не обижайся, пахнет действительно неприятно.

– Знаете, что, курицы, – разозлилась Маша, – валите на свою презентацию нового парфюма. Это была дурацкая идея пригласить вас на открытие литературного салона.

– Но ты же обещала познакомить нас с Роем Коном, – обиженно произнесла Эльза и надула губки. – Забавно посмотреть на этого красавчика.

– Да какой там красавчик? – фыркнула Элеонора и скривилась. – Ему же лет семьдесят.

– В том-то и дело, что он совсем не похож на старика, – прошептала Эльза. – Говорят, что его компаньон Борис Тор изобрёл эликсир молодости. И живёт этот Борис в Мексике, где выращивает специальное растение для изготовления этого эликсира.

– Да ты что? – воскликнула Элеонора, схватила свой экземпляр книги и начала искать страницу с биографией авто-

ра.

По кафе будто пронёсся лёгкий ветерок, за столиками прекратились разговоры, и у входа появилась роскошная женщина в красном костюме.

– Виват, Марго, виват, – восхищённо воскликнула Эльза, подскочила с места и поспешила к новой посетительнице.

– Марго вообще не стареет, – произнесла Элеонора и подозрительно посмотрела на Машу, – а ведь ей тоже где-то за семьдесят.

– Шестьдесят девять, – спокойно ответила Маша, поднялась с места и последовала за Эльзой.

«Неужели это Марго? – подумал Рой. – Нет, это наваждение, и я снова сплю».

В Ритку он был отчаянно влюблён ещё со школы. Только ради неё застенчивый и неуверенный в себе Ромка начал писать первые новеллы и придумал себе громкий псевдоним – Рой Кон. Потом они вместе поступили на филологический факультет университета, но после первого курса Маргарита внезапно исчезла. В квартиру, где она жила с родителями, въехали чужие люди, а по городу поползли нелепые слухи, будто Ритка связалась с дьяволом и предала родину. И Ромка догадался, что семья Риты, как и его отец, эмигрировала из страны.

Рой сделал ещё один глоток из своего бокала, скривился и решил заказать водки.

– Рой, проснись, – кричал Боб и тряс друга за плечо, – проснись, скоро стемнеет.

– Боб, я заказал водки, – сопротивлялся Рой, – не обламывай кайф.

– Ты сбрендил, Рой, надышался травки, – орал Боб и пытался поднять его на ноги, – тебя просто глючит!

– Какой травки? – прошептал Рой и открыл глаза.

– Здесь повсюду сон-трава! – продолжал кричать Боб. – Рой, поднимайся. Вечером эта травка охлаждается и перестаёт выделять аромат. А днём нагревается...

– Да, я обратил внимание на странный запах, – перебил его Рой, – и даже не заметил, как вырубился.

– Я ж тебе говорю, что эта травка днём нагревается, выделяет какой-то ядовитый фермент, – начал объяснять Боб. Но внезапно на площадку около дома въехал красный автомобиль и остановился у парадного входа в особняк. Из окна автомобиля выглянула женщина и удивлённо воскликнула:

– А вы кто такие?

– Да что ж так грубо, милая барышня? – не растерялся Боб. – Мы усталые путники, присели здесь отдохнуть и никому не мешаем.

Таинственная незнакомка вышла из автомобиля, посмотрела на Боба испепеляющим взглядом и медленно продефи-

лировала к входной двери.

– Дыша духами и туманами, – начал декламировать Боб и заворуженно наблюдал за каждым её движением. – Шикарная дамочка, от неё буквально веет роскошью и тайнами.

Рой тоже внимательно наблюдал за тем, как она склонила голову, открыла сумочку, достала ключ, и узнавал до боли знакомые черты.

«Этого не может быть, – шептал он, – я просто сошёл с ума или снова сплю».

Женщина, словно вспомнив что-то, вдруг обернулась и внимательно посмотрела на Боба, потом развернулась к Рою, который так и сидел на траве около парадной двери.

– Пацаны, вы откуда? – радостно вскрикнула она. – Из прошлого или из будущего?

– Из вечности, – прошептал Рой.

– Марго! – заорал Боб. – Это же Марго. Это ты живёшь в этом замке?

Марго собиралась ответить, но неожиданно разрыдалась и присела рядом с Роем прямо на траву.

Рой гладил её волосы, мокрые от слёз щёки и шептал что-то на ухо, от чего они вместе смеялись и ещё больше прижились друг к другу.

– Эй, голубки, не увлекайтесь! – нарушив идиллию, рявк-

нул Боб. – Я замёрз и хочу есть. Марго, может, пригласишь нас в свой замок хотя бы погреться. Ну, так в виде исключения.

– Ой, Борька, прости, мы кажется застряли в вечности, – ответила Марго, быстро поднялась на ноги и открыла ключом парадную дверь «Книжной лавки».

– Не обижайся, принцесса, но твой замок больше похож на пункт по сбору макулатуры, – с сожалением произнёс Боб, когда они втроём переступили порог особняка.

– Это не замок, а старая «Книжная лавка» моего прадеда, – возразила Марго и громко чихнула. – Сюда лет двадцать не ступала нога человека.

– А ты? – удивлённо спросил Рой. – Ты тоже здесь впервые?

– Ну, можно сказать, что я здесь второй раз, – ответила Марго. – Месяц назад вступила в наследство и приехала сюда посмотреть, в каком состоянии дом. Однако дальше порога не попала.

– И кто же тебя не пустил? – спросил Боб.

– Тараканы, жучки, термиты, – ответила Марго и брезгливо скривила губы. – Пришлось вызывать службу по санитарной обработке зданий.

Они шли по длинному коридору, заваленному старыми книгами, обломками стеллажей, полок и деревянных столиков.

– Где-то здесь должен быть большой зал, где проводи-

лись модные литературные салоны, – рассказывала Марго. – Ещё был маленький зал, там продавались антикварные книги. А на втором этаже находится квартира, где жил прадед со своей семьёй.

– Обалдеть можно, какие здесь хоромы, – восхищался Боб, – и всё пропитано тайнами и загадками.

– А мне как-то здесь неуютно и страшновато, – произнесла Марго и поёжилась.

– Я нашёл большие свечи, – крикнул Рой из дальней комнаты, – идите сюда. Кажется, здесь был огромный зал и барная стойка. Но я не уверен, почти вся мебель и книги уничтожены временем.

Рой растерянно стоял в центре большого зала среди обломков былой роскоши и его не покидало чувство, будто однажды он уже здесь был. Полки с книгами, напольные вазы, каркасы кресел, стеклянные столики навевали приятные воспоминания.

Рой подошёл к одному из столиков, на котором стоял старый зеленоватый бокал и лежала полуистлевшая книга. Он осторожно взял в руки остатки книги и с сожалением обнаружил, что сохранилась только обложка. И он с большим трудом рассмотрел название: «В начале было сновидение».

Алла Кречмер, Тель-Авив

Прибалтика

Прибалтика. Жара. Конец сезона.
Короткий дождик в пять минут затиш.
Снимаем домик в переулке сонном:
Впервые делим отпуск на двоих.

Смолистый ветер дует с побережья,
Подстрижены газоны и кусты.
Песок на дюнах, словно пудра, нежный;
И в целом мире только я и ты.

Недвижность дум под рокот моря мерный;
Пиликают кузнечики в траве.
А публики московской здесь, наверно,
Не меньше даже, чем в самой Москве.

Прибалтика казалась нам Европой
Киношной – ведь не знали мы другой.
Но ветер был тот ветром высшей пробы:
Соленый, свежий, смешанный с водой.

Письма

Корабли, поезда, самолеты
Доставляли в конвертах простых
Нам посланья – в любую погоду —
От далёких знакомых, родных.

Прилетали, как белые стаи;
Приплывали, как яхты в морях.
Я последние письма читаю
От любимого в дальних краях.

Сколько рук их держало на почте,
Словно птицу, погладив конверт.
Отпускали их поодиночке
Облететь и узнать целый свет.

Строчки, строчки – далёкая пристань.
Пусть поврозь пролетели года,
Я найду среди этих эпистол
Свет любви, что не гас никогда.

Хвала тебе, о простота...

Хвала тебе, о простота,
Незамутнённость удивленья,
Мечты далекой высота
И мысли ясное течение.

Дела – но без двойного дна,
Слова – без скрытого подтекста;
Чувств чистота и глубина,
И от соблазнов тайных бегство.

Пусть искренность в людских сердцах
Мерилом станет всех деяний;
И не терзают ложь и страх
Неверных дум, души метаний.

Мне ветра хочется глотнуть
И от восторга задохнуться;
Познать любви и жизни суть,
Перед невзгодами не гнуться.

Любить и говорить «люблю»,
И не страшась непониманья,
Стоять у бездны на краю
Простого мирозерцанья.

Вечернее озеро

Облака отражаются в озере:
Как по небу, плывут по волнам.
Якоря потаенные бросили
И пристали к родным берегам.

Прилетит в камыши ветер издали,
Солнце бросит свой луч свысока,
Побежит он дорожкой до пристани,
Словно пишется светом строка —

На блестящие блики расколота.
Начинается блеска игра.
Там, среди предзакатного золота
Над водою летит мошкара.

И толчется она беспорядочно,
Как рассыпанный текста набор.
И прочесть невозможно загадочный
Рун светящихся тонкий узор.

Таруса

Зеленые стёкла вокзала в Тарусе,
Тропинки средь пылью покрытых кустов.
И за руки взявшись, две девочки русских
Уходят гулять в многоцветье лугов.

С собора плывут колокольные звоны,
И блики сверкают на тихой реке.
Полуденный звон над долиною сонной,
И грома раскаты слышны вдалеке.

Всё было когда-то. Давно пролетело
Счастливое детство. И дача пуста.
Вдруг вырвался ливень наружу. И смело
Стучит без конца по перилам моста.

Стучит, барабанит, грохочет по кровле:
Бегите же, сёстры, в беседку скорей!
А поезд в грядущее приостановлен
В предчувствии смуты и ранних смертей.

К чему этот жар? Эти ранние грозы?
И вспышки зарниц на тревожной Оке?
Вы в той же беседке, две женщины взрослых,
И капля дождя, как слеза, на щеке.

Виктория Левина, Тель-Авив

Родилась в Читинской области. Окончила МГТУ им. Баумана. Автор двенадцати книг поэзии и прозы. Публиковалась в журналах Израиля, России, Германии, Болгарии и др. Кавалер медали Российской литературной премии и медали премии имени Ивана Вазова (Болгария). Лауреат нескольких международных конкурсов и фестивалей. С 1997 года живёт в Израиле, работает инженером в авиапромышленности.

Эта улица зовётся шнурОм...

Старинный бременский квартал моряков – Шноор, т.е. шнур, потому что все дома здесь словно «жемчужины, нанизанные на шнур». На фасаде статуя Св. Якова, покровителя пилигримов. В Средние века Бремен был исходной точкой для пилигримов в их паломничестве в Сантьяго де

Компостелла в Испании. А монашеское братство Св. Якова предоставляло паломникам прибежище, построив для их ночлега постоялый двор.

Эта улица зовётся шнурком,
к этой улице свой путь протяну, —
здесь найду себе похлёбку и дом,
и себе себя в скитаньях верну...

Пилигрим в дверном проёме возник,
вопросит: – Что ты ищешь в миру?
– Ах, пусти меня погреться, старик,
а иначе я от музыки умру!

Дай мне песню написать или две,
дай мне чаю или браги глоток!
Двадцать первый век на нашем дворе.
В двадцать странных стран слетала, дружок...

В этих странах – пирогов до черта,
и прибежищ – не чета твоему,
только рифма там на вдохе не та,
и сердечный ритм никак не пойму...

А на улице, что вьётся шнурком, —
вьёт и льёт мне на бумагу стихи, —
я для жизни присмотрела бы дом
и жила бы для стихов и души!

Танец смерти

Еще один примечательный мост Люцерна, Шпроербрюкке (Spreuerbrücke). Он был построен в 1408 году, в 1566 году разрушен наводнением и вновь восстановлен. Когда-то он был последним мостом в городе вниз по течению реки и с него сбрасывали различный мусор. Под его крышей размещается серия картин 17 века художника Каспара Меглингера «Танец смерти». На них изображены сцены с участием людей из различных слоев общества: священников, воинов, князей, молодых девушек, монахинь, простолюдинов и даже самого художника и на каждой присутствует смерть с насмешливой улыбкой в различных одеяниях.

«Танец смерти» – это известная средневековая аллегория, означающая равенство всех людей перед лицом смерти, независимо от того, какое общественное положение они занимали при жизни...

Ничто не предвещало гром – ни в водах бирюзовых, ни в синем небе декабря, что праздновал теплынь, натужной рябью предвара ряд испытаний новых, ничто не предвещало гром и крови в венах стынь...

И голос внутренний, и рок – порогов и ступеней не выстроил на входе том, на спас, не защитил!

Явилась Смерть под потолком в картинах и виденьях —
и голос внутренний, и рок о смерти говорил.

Ты дышишь, действуешь, живёшь – она незримо рядом:
то тень положит, то ладонь на тёплое плечо...

Падёшь в бою, споткнётся конь, стрелу проводишь взгля-
дом, —

ты дышишь, ходишь под судьбы занесенным мечом!

Не думать и не брать в расчёт – иначе нам не выжить,
и полной грудью не вдохнуть, и не сыскать побед!

Полёт, деяний смелых путь – её улыбку вижу...

Не думать и не брать в расчёт единственный ответ.

О Милане прекрасном два слова

О Милане прекрасном два слова —

Микеланджело Буонаротти,

замок Сфорца иль крепость Сфорцеско —

как удобнее, так и зови...

Галерею Витторио снова

посетите – к «Ла Скала» пройдёте,

и Да Винчевой «тайною» фреской

задохнётесь в порыве любви!

Я рыдала на Пьяцца Дуомо

от кружившего голову чуда!
Я касалась святынь и паролей,
отшлифованных сотнею рук...
И «Пьета Рондонини»² – знакомой
плотью мрамора светит оттуда,
а Да Винчи недюжинной долей
замыкает Ломбардии круг.

Пел фонтан возле замка Сфорцеско
(У Ломбардии – синее небо!).
У Милана, красивого ликом,
поразительно лёгкая статья!
Даже ветры, задувшие резко,
не испортили прелести, – мне бы
эту лёгкость, изящества блики
утончённого города взять...

У дома Анны Франк³

Прочитан весь дневник. Я – девочка. Я – Анна.
Я не люблю зануд. Талантлива. Легка.
Воспитывают все и пилят постоянно.

² «Пьета Ронданини» (Милан, Каstellо Сфорцеско) – последнее из скульптурных произведений Микеланджело, над которым он работал ещё за несколько дней до смерти.

³ Дом-музей Анны Франк – дом в Амстердаме на набережной Принсенграхт, в задних комнатах которого еврейская девочка Анна Франк скрывалась со своей семьёй от нацистов. Здесь же она написала свой дневник.

Пытливый, острый ум и – детская рука...

Отрезана от войн дубовым книжным шкафом,

Отрезана от звёзд и ветра, и луны...

Еврейское лицо – наследие от папы,

От мамы – лишь глаза, страданием полны.

Ещё не влюблена, но слышу голос плоти.

Познаю ли любовь? Скорее «нет», чем «да».

Замедлен бег секунд. Полиция в пролёте

Чердачных этажей. Нашитая звезда.

Написанный дневник хранит движенье мысли

И радость, и печаль, и горе сорванца!

Галактику вместил простой по виду листик.

Я – Анна, я – судьба, похожая с лица...

Пауль Клее

«Nulla dies sine linea» («Ни дня без линии!»)

Плиний

Я знала, чувствовала – Пауль где-то рядом! —

полуребёнок, полубожество...

Была любовь – спонтанно, с полувзгляда,

с полукасания к сущности его!

Я понимаю, что сказать хотели
скупые линии на мешковине грёз,
как виртуальный мускул в слабом теле
мечту гиганта на полотна нёс!

Как превращалась точка над пространством
беспомощности – в яркую звезду!
«Ни дня без линии!» – с завидным постоянством
я повторяю аксиому ту,

я утверждаюсь бравым восхождением
с клюкой на каждодневный Эверест, —
не ограничен трудностью движенья
хмельной адреналин моих небес!

«Ни дня без строчки!» – Пауль где-то рядом —
передает тепло своей руки...
Из-за оков судьбы – обоим надо
к строке и к линии пробиться! Вопреки.

И шёпот авантюрных поколений...

Зиновию Пешкову⁴

Приёмный сын писателя. Еврей.
В Париже, близ могилы генеральской —
плита. И на могильной ипостаси —
«Легионер». И даты жизни к ней.

Брат Свердлова. Авантюрист. Герой.
Де Голль в друзьях. И Чан Кай-Ши в подручных.
Тогда они любили девок лучших
и пили, и сражались на убой.

Страшила жизнь с отпиленной рукой.
Но в госпитальных белых коридорах
цеплялся за неё, боясь позора
от демобилизаций на покой.

Он – генерал двух армий, полиглот,
порвавший с большевизмом и страную.
Стою, склонившись над могилой тою,

⁴ Зиновий Алексеевич Пешков (16 октября 1884, Нижний Новгород – 27 ноября 1966, Париж, имя при рождении Зиновий Михайлович Свердлов) – генерал французской армии, кавалер пятидесяти правительственных наград, старший брат Я. М. Свердлова и крестник Максима Горького. Владел семью иностранными языками, в том числе арабским, китайским и японским.

где только камень – зелень не растёт,

где только слово, дата, имя, крест.

Здесь человеческий дух и явный гений.

И шёпот авантюрных поколений

разносит ветер кладбища окрест.

Денис Камышев, Ашдод

Время поцелуев

– Марго! Вы вызываете у меня чувство турбулентности, – сообщил секретарше, напоминающей изгибами контрабас, Максим.

– У вас дух захватывает или тошнит? – вяло поинтересовалась Марго, барабаня кровавым маникюром по клавиатуре гудящего от перегрева компьютера.

– У меня кружится голова и замирает сердце... – томно закатил глаза Максим.

– Автор, съешьте яду...

Открылась дверь в кабинет Главного, и из нее вывалился взъерошенный Краснов. Вслед ему слышался хорошо поставленный начальственный баритон.

– Говно ваш Роман! Сопли и жёваная бумага!

– Ты написал роман? – удивился Максим.

– Стажёр мой, Роман. Написал жалостливую статью о геях. Всё бы ничего, да только сын Главного теперь посещает нетрадиционные вечеринки, и поговаривают, что их с «Ромом» связывает пылкая дружба.

– Сын Главного никогда не был геем. Пидор редкий, но не гей, – не отрываясь от экрана, резюмировала Марго.

– Полукарпов, зайти! – выстрелил по селектору Главный, и Максим вполз на вершину журналистского Олимпа.

– Где статья, посвященная Восьмому марта? – пригвоздил его к стенду с графиками кислотно-щелочного баланса Брюс Ронин. – Так и будешь всю жизнь полу-гений, полу-журналист, Полукарпов? Сейчас едешь в клуб... как его? – Ронин достал сверкающий флаер. – Клуб «Пропаганда». Там будет мужской стриптиз для тёток. Короче, осветишь событие. Давай...

Из серого здания творцов реальности Макс вырвался в улыбчивую солнечную весеннюю лепоту и провалился по щиколотку в отечественную лужу импортной кожаной туфлей. Сука-весна! Уже оголились бледные ляжки малобюджетных «ледей», и шоколадный загар богемы приятно теребит мужские рефлексy по искажающему действительность телевизору. Весна – время поцелуев, пробуждение страстей и гормональных выбросов! И климакс, злобно шипя, отступает в сумрак подсознания...

Весна! Тихо шагают «ходики», отстукивая им одним известным ритм жизни, и сама жизнь медленно утекает в наполненную великим смыслом бытия дыру слива сквозь наши растопыренные пальцы. И остается в памяти первый, пахнущий малиновой жвачкой поцелуй в пятнадцать, страстный и проникновенный «французский» поцелуй в девятнадцать, «кунигулус» в двадцать два, лицемерный поцелуйчик в щеку в сорок и бесплатный поцелуй в лоб, изрезанный марсианскими каналами морщин, когда вы уже расслабленно лежите в гробу и вам всё «по сараю».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.